

Сельма Лагерлеф

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытала ли я впоследствии горе большее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные вещи.

Я не помню бабушку иной, как сидящей на своем диване и рассказывающей с утра до ночи нам, детям, притаившимся и смиренно сидящим возле нее; мы боялись проронить хоть слово из рассказов бабушки. Это была очаровательная жизнь! Не было детей, более счастливых, чем мы.

Я смутно помню образ бабушки. Помню, что у нее были прекрасные, белые, как мел, волосы, что была она очень сгорбленна и постоянно вязала свой чулок.

Еще помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала свою руку мне на голову и говорила:

“И все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня”.

Помню, что бабушка умела петь красивые песни; но пела их бабушка не каждый день. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и морской деве, к этой песне был припев:

“Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю”.

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всех рассказах бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминание. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это — маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот, почти все, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, которое меня охватило, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мертвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный черный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось, нам, детям, учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы научились и привыкли к ним.

Могло показаться, что заменили нам новые забавы бабушку, что забыли мы ее.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далекой чужой стране, в моей памяти живо встает маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно еще раз его рассказать и поместить в своем сборнике.

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоем были одни во всем доме; только мы с бабушкой не смогли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим Рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на бабушкином диване, бабушка начала рассказывать:

„Однажды глубокой ночью человек пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался;

— Добрые люди, помогите мне — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонек. Он направился к нему и увидел, что это — костер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, услыша чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели лаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и собаки бросились на него. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хочет подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог дальше идти вперед. Тогда человек взобрался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась”.

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь, немного погодя, — ответила бабушка и продолжала рассказ:

„Когда человек подошел к огню, заметил его пастух. Это был старый, угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Завидя чужого человека, он схватил длинную, остроконечную палку, которой гонял свое стадо, и с силой бросил ее в незнакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, повернула в сторону и упала где-то далеко в поле”.

В этом месте я снова перебила бабушку:

— Бабушка, почему палка не ударила человека? — спросила я; но бабушка мне ничего не ответила и продолжала свой рассказ.

„Человек подошел к пастуху и сказал ему:

— Добрый друг! Помоги мне, дай мне немного огня.

Только что родился Младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу. Но когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, что овцы не разбежались перед ним, и палка не попала в него, как-будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко и он не осмелился отказать незнакомцу в его просьбе.

— Возьми, сколько тебе надо, — сказал он человеку.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки давно сгорели, оставались лишь кроваво-красные уголья, и человек с заботой и недоумением думал о том, в чем донести ему горячие уголья.

Заметя затруднение незнакомца, пастух еще раз повторил ему:

— Возьми, сколько тебе надо!

Он с злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и положил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошел спокойно назад, как будто нес в плаще не горячие уголья, а орехи или яблоки”.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:

— Бабушка! почему не обожгли уголья человека и не прожгли ему плащ?

— Ты скоро это узнаешь — ответила бабушка и стала рассказывать дальше.

„Старый, угрюмый, злой пастух был поражен всем, что пришлось ему увидеть.

— Что это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжет?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

— Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, — ответил незнакомец и пошел своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Но пастух не хотел терять его из вида, пока не узнает, что все это значит. Он встал и пошел за незнакомцем, и дошел до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под скалой; стены пещеры были голы, из камня, и от них шел сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был черствым, суровым человеком, но ему стало жаль невинного Младенца, который мог замерзнуть в каменистой пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеча мешок, развязал его, вынул мягкую, теплую пушистую овечью шкурку, и передал ее незнакомцу, чтобы завернуть в нее Младенца.

Но в тот же миг, когда показал пастух, что и он может быть милосердным, открылись у него глаза и уши, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружают множество ангелов с серебряными крыльями и в белоснежных одеждах. Все они держат в руках арфы и громко поют, славословя родившегося в эту ночь Спасителя Мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда понял пастух, почему все животные и предметы в эту ночь были так

добры и милосердны, что не хотели никому причинить вреда. Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всяду было ликование и веселье, пение и музыка; темная ночь сверкала теперь множеством небесных огней, светилась ярким светом, исходившим от ослепительных одежд ангелов. И все это увидел и услышал пастух в ту чудесную ночь, и так был рад, что открылись глаза и уши его, что упал на колени и благодарил Бога”.

Тут бабушка вздохнула и сказала:

— То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, потому что ангелы каждую Рождественскую ночь летают над землею и славословят Спасителя, но если бы мы были достойны этого.

И бабушка положила свою руку мне на голову и сказала:

— Заметь себе, что все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку: только чистое сердце открывает очи, которыми может человек наслаждаться лицезрением красоты небесной.

Саша Черный

Рождественский ангел

— Подайте, Христа — ради, милостыньку! Милостыньку, Христа — ради!..

Никто не слышал этих жалобных слов, никто не обращал внимания на слезы, звучавшие в словах бедно-одетой женщины, одиноко стоявшей на углу большой и оживленной городской улицы.

— Подайте милостыньку!..

Прохожие торопливо шагали мимо ее, с шумом неслись экипажи по снежной дороге. Кругом слышался смех, оживленный говор...

На землю спускалась святая, великая ночь под Рождество Христово. Она сияла звездами, окутывала город таинственной мглой.

Милостыньку... не себе, деткам моим прошу...

Голос женщины вдруг оборвался, и она тихо заплакала, Дрожа под своими лохмотьями, она вытирала слезы окоченевшими пальцами, но они снова лились по ее исхудалым щекам. Никому не было до нее дела...

Да она и сама не думала о себе, о том, что совсем замерзла, что с утра не ела ни крошки... Вся мысль ее принадлежала детям, сердце болело за них...

Сидят они, бедные, там, в холодной темной конуре, голодные, иззябшие... и ждут ее... Что она принесет или что скажет? Завтра великий праздник, всем детям веселье, только ее бедные детки голодны и несчастны.

Что делать ей? Что делать? Все последнее время она работала, как могла, надрывала последние силы...

Потом слегла и потеряла последнюю работу...

Подошел праздник, ей негде взять куска хлеба...

О, детки, бедные детки! Ради них, она решилась, в первый раз в жизни, просить милостыню... Рука не поднималась, язык не поворачивался... Но мысль, что дети ее есть хотят, что они встретят праздник — голодные, несчастные, эта мысль мучила ее, как пытка. Она готова была на все. И за несколько часов ей

удалось набрать несколько копеек... Несчастливые дети! У других детей — елка, они — веселы, довольны в этот великий праздник, только ее -дети...

“Милостыньку, добрые люди, подайте! Подайте, — Христа—ради!”

И словно в ответ на ее отчаяние, неподалеку раздался благовест... ко всеобщей. Да, надо пойти, помолиться... Быть может, молитва облегчит ее душу... Она помолится усердно о них, о детях... Неверными шагами доплелась она до церкви...

Храм освещен, залит огнями... Всюду масса людей... веселые довольные лица. Притаившись в уголке, она упала на колени и замерла... Вся безграничная, материнская любовь, вся ее скорбь о детях вылилась в горячей молитве, в глухих скорбных рыданиях. “Господи, помоги! Помоги!” плачет она. И кому, как не Господу Покровителю и Защитнику слабых и несчастных, вылить ей все свое горе, всю душевную боль свою? Тихо молилась она в уголке, и слезы градом лились по бедному лицу.

Она не заметила, как кончилась всеобщая, не видела, как к ней подошел кто-то...

— О чем вы плачете? — раздался за ней нежный голос, показавшийся ей небесной музыкой.

Она очнулась, подняла глаза и увидела перед собой маленькую, богато одетую девочку. На нее глядели с милым участием ясные детские глазки. Сзади девочки стояла старушка-няня.

— У вас есть горе? Да? Бедная вы, бедная! Эти слова, сказанные нежным, детским голосом, глубоко тронули ее.

Горе! Детки у меня голодны, с утра не ели... Завтра праздник такой... великий...

— Не ели? Голодны? — На лице девочки выразился ужас.

— Няня, что же это! Дети не ели ничего! И завтра будут голодны! Няечка! Как же это?

Маленькая детская ручка скользнула в муфту.

— Вот, возьмите, тут есть деньги... сколько, я не знаю... покормите детей... ради Бога... Ах, няня, это ужасно! Они ничего не ели! Разве это можно, няня!

На глазах девочки навернулись крупные слезы.

— Чтож, Маничка, делать! Бедность у них! И сидят, бедные, в голоде да в холоде. Ждут, не поможет-ли им Господь!

— Ах, няничка, мне жаль их! Где вы живете, сколько у вас детей?

— Муж умер — с полгода будет... Трое ребят на руках осталось. Работать не могла, хворала все время... Вот и пришлось с рукой по миру идти... Живем мы, недалеко... вот тут... в подвале, на углу, в большом каменном доме купца Осипова...

— Няня, почти рядом с нами, а я и не знала! .. Пойдем скорее, теперь я знаю, что надо делать!

Девочка быстро вышла из церкви, в сопровождении старухи.

Бедная женщина машинально пошла за ними. В кошельке, который был у нее в руках, лежала пятирублевая бумажка. Забыв все, кроме того, что она может теперь согреть и накормить дорогих ребят, она зашла в лавку, купила

провизии, хлеба, чаю, сахару и побежала домой. Щеп осталось еще довольно, печку истопить ими хватит.

Она бежала домой из всех сил.

Вот и темная конурка. Три детских фигурки бросились к ней на встречу.

— Маминька! Есть хочется! Принесла ли ты! Родная!

— Она обняла их всех троих и облила слезами.

— Послал Господь! Надя, затопи печку, Петюша, ставь самовар! Погреемся, поедим, ради великого праздника!

В конурке, сырой и мрачной, наступил праздник. Дети были веселы, согрелись и болтали. Мать радовалась их оживлению, их болтовне. Только изредка приходила в голову печальная мысль... что же дальше? Что дальше будет?

— Ну, Господь не оставит! — Говорила она себе, возлагая всю надежду на Бога. Маленькая Надя тихо подошла к матери, прижалась к ней и заговорила.

— Скажи мама, правда, что в рождественскую ночь с неба слетает рождественский ангел и приносит подарки бедным детям! Скажи, мама!

Мальчики тоже подошли к матери. И желая утешить детей, она начала им рассказывать, что Господь заботится о бедных детях и посылает им Своего ангела в великую, рождественскую ночь, и этот ангел приносит им подарки и гостинцы!

— И елку, мама?

— И елку, детки, хорошую, блестящую елку! В дверь подвала кто-то стукнул. Дети бросились отворить. Показался мужик, с маленькой зеленой елкой в руках. За ним хорошенькая, белокурая девочка с корзиной, в сопровождении няни, несшей за ней разные свертки и пакеты.

Дети робко прижались к матери.

— Это ангел, мама, это ангел? — тихо шептали они, благоговейно смотря на хорошенькую нарядную девочку.

Елка давно стояла уже на полу. Старуха няня развязала пакеты, вытащила из них вкусные булочки, кренделя, сыр, масло, яйца, убирала елку свечами и гостинцами. Дети все еще не могли прийти в себя. Они любовались на “ангела”. И молчали, не двигаясь с места.

— Вот вам, встречайте весело Рождество! — прозвучал детский голосок. С праздником!

Девочка поставила на стол корзину и исчезла, прежде чем дети и мать опомнились и пришли в себя.

“Рождественский ангел” прилетел, принес детям елку, гостинцы, радость и исчез, как лучезарное виденье...

Дома Маню ждала мама, горячо обняла ее и прижала к себе.

— Добрая моя девочка! — говорила она, целуя счастливое личико дочери. Ты отказалась сама от елки, от гостинцев и все отдала бедным детям! Золотое у тебя сердечко! Бог наградит тебя...

“Маня осталась без елки и подарков, но вся сияла счастьем. С своим милым личиком, золотистыми волосами она в самом деле походила на “рождественского ангела”.

Лукашевич Клавдия Владимировна
Рождественский праздник

Далекий Рождественский Сочельник. Морозный день. Из окон видно, как белый, пушистый снег покрыл улицы, крыши домов и деревья. Ранние сумерки. Небо синее.

Мы с Лидой стоим у окна и смотрим на небо.

— Няня, скоро придет звезда? — спрашиваю я.

— Скоро, скоро, — торопливо отвечает старушка. Она накрывает на стол.

— Няня, смотри, вон уже звезда пришла на небо, — радостно говорит Лида.

— Эта не та.

— Почему не та? Посмотри хорошенько.

— Та будет побольше... Эта очень маленькая, — говорит няня, едва взглянув в окно.

— Ты сказала до первой звезды, — плаксиво замечает сестра,

— Ведь мы проголодались. Очень есть хочется, — говорю я.

— Подождите, детушки... Теперь уже скоро... Потерпите.

— Дай ты им чего-нибудь перекусить... Совсем заморила девочек. — Мама услышала наш разговор, вышла из своей комнаты и крепко целует нас.

— Вот еще, что выдумала!.. Разве можно есть до звезды? Целый день постились. И вдруг не дотерпеть. Грешно ведь, — серьезно возражает няня. Нам тоже кажется, что это грешно, Ведь у нас будет «кутья». Надо ее дожидаться. Взрослые целый день постились и не едят до звезды. Мы тоже решили поститься, как и большие... Но сильно проголодались и нетерпеливо повторяем: «Ах, скорее бы, скорее пришла звезда».

Няня и мама накрыли стол чистой скатертью и под скатерть положили сено...

Нам это очень нравится. Мы знаем, что это делается в воспоминание величайшего события: Господь наш родился в пещере и был положен в ясли на сено.

Мы не обедали, как обычно, в три часа, а будем ужинать «со звездой», т. е. когда стемнеет и на небе загорятся первые звездочки. У нас будет «кутья» из рису, «кутья» из орехов, пшеница с медом и разные постные кушанья из рыбы. Кроме того, на столе поставят в банках пучки колосьев пшеницы и овса. Все это казалось нам, детям, важным и знаменательным. В нашей квартире так было чисто прибрано, всюду горели лампы; настроение было благоговейное, и целый день поста и эта «кутья» раз в году — все говорило о наступлении великого праздника... Няня, конечно, не раз напоминала нам, что «Волхвы принесли Божественному младенцу ладан, смирну, золото и пшеницу». Оттого в Сочельник надо есть пшеницу.

Папа наш был малоросс, и многие обряды совершались в угоду ему. Где-то далеко в маленьком хуторе Полтавской губернии жила его мать с сестрой и братом. И там они справляли свою украинскую вечерю и «кутью». Папа нам это рассказывал и очень любил этот обычай. Но в сером домике бабушки и дедушки тоже в Рождественский Сочельник всегда справлялась «кутья»... Как у них, так и у нас непременно бывал в этот вечер приглашен какой-нибудь одинокий гость или гостья: дедушкин сослуживец или папин товарищ, которому негде было

встретить праздник. Справив «кутью», мы отправлялись ко Всенощной. Но мы с сестрой в волнении: ждем чего-то необычайного, радостного. Да и как не волноваться: ведь наступило Рождество. Может быть, будет елка... Какое детское сердце не забьется радостью при этом воспоминании. Великий праздник Рождества, окруженный духовной поэзией, особенно понятен и близок ребенку... Родился Божественный Младенец, и Ему хвала, слава и почести мира. Все ликовало и радовалось. И в память Святого Младенца в эти дни светлых воспоминаний, все дети должны веселиться и радоваться. Это их день, праздник невинного, чистого детства...

А тут еще является она — зеленая стройная елочка, с которой сохранилось столько легенд и воспоминаний... Привет тебе, милая любимая елочка!.. Ты несешь нам среди зимы смолистый запах лесов и, залитая огоньками, радуешь детские взоры, как по древней легенде обрадовала Божественные очи Святого Младенца. У нас в семье был обычай к большим праздникам делать друг другу подарки, сюрпризы, неожиданно порадовать, повеселить... Все потихоньку готовили свои рукоделия, мы учили стихи; под Новый год и на Пасху под салфетки каждому клали приготовленные подарки... Нас, детей, это очень занимало и радовало. Подарки бывали простые, дешевые, но вызывали большой восторг.

Елку показывали неожиданно, сюрпризом, и родители, няня и тетушки готовили ее, когда мы ложились спать.

За два или за три дня до Рождества мама печально говорила: «Бедные девочки, нынче им елки не будет... Денег у нас с папой нет. Да и елки дороги. В будущем году мы вам сделаем большую хорошую елку. А нынче уж проживем без елки». Против таких слов ничего нельзя было возразить... Но в огорченной детской душе все-таки таилась и обида, и смутная надежда. Веришь и не веришь словам мамы и близких.

В первый день Рождества сколько счастливых детских голов поднимается ото сна с радостной грезой, в которой мерещится хвойное деревце, сколько наивных ожиданий наполняет детское воображение... И как весело, заманчиво мечтать о золотой рождественской звезде, о какой-нибудь кукле, барабане, ярких огоньках на ветвях любимого деревца. У всех детей столько мечтаний, желаний, столько надежд связано с праздником Рождества.

— Лида, Лида, понюхай, ведь елкой пахнет, — говорю я, просыпаясь в рождественское утро в самом веселом расположении духа. Румяное, полное лицо сестры отрывается от подушки. Она уморительно морщит свой маленький нос.

— Да, пахнет... Правда... Как будто бы пахнет.

— А как же говорили, что елки не будет в этом году!

— Может, и будет. В прошлом году тоже сказали: не будет. А потом все было, — вспоминает сестра. Няня уже тут как тут.

— Нянечка, отчего елкой пахнет? — серьезно спрашиваю я.

— Откуда ей пахнуть... Когда ее и в помине-то нет... Вставляйте, барышни-сударышни. Сейчас «христославы» придут...

— Это дедушкины мальчишки?

— Наверно, со звездой. Дедушка им красивую склеил.

— Конечно, наш забавник старался для своих ребят... Была я у них, весь пол в кабинете замусорен, точно золотом залит... А звезда горит, переливается... Вот увидите, что это за звезда.

В то далекое время был обычай «христославам» ходить по квартирам «со звездой» и петь рождественские песни. Обыкновенно в каждом доме собиралась местная беднота: мальчишки-подростки выучивали рождественские песни, делали звезду и шли по квартирам славить Христа. Не успеешь одеться, умыться, как, бывало, няня скажет: «Пришли со звездой». Слышим топот детских ног и партия человек шесть — десять войдет в комнату. Мальчишки встанут перед образами и запоют «Рождество Твое» и «Дева днесь»... Затем громко поздравят с праздником. Иногда это пение выходило очень стройно и красиво. Было что-то трогательное и праздничное в появлении «христославо́в». Мы с сестрой очень это любили, радовались и с нетерпением ожидали их прихода.

«Христославы» приходили в первый день несколько раз. У нас никому не отказывали: всех оделяли копейками и пряниками... Но мы особенно ждали «дедушкиных мальчишек». Мы бы узнали их из тысячи, они появлялись с такой прекрасной, замысловатой звездой, какой ни у кого не было. Ведь ее делал сам наш художник — дедушка. Даже нянечка и та, как-то особенно ласково и приветливо говорила:

— Ну вот, наконец-то и дедушкины ребята идут.

Мы замирали от волнения... Ребята застенчиво входят в комнату, а впереди них двигается прекрасная золотая звезда... Она на высоком древке, кругом золотое сияние — дрожит и переливается... А в середине — изображение Рождества Христова.

— Видишь, Лида, там Христос родился, — указываю я сестре на звезду.

-Вижу... Это дедушка нарисовал... Знаю...

Нам казалось, что дедушкины мальчишки пели как-то особенно громко и стройно... Знакомые приветливые лица «босоногой команды» улыбались нам с сестрой... А мы конфузились и прятались за няню, за маму. «Дедушкиных мальчишек» оделяли, конечно, щедрее других. Их даже поили горячим сбитнем... Как они бывали рады и долго вспоминали об этом.

В первый день Рождества несколько омрачалось наше радостное настроение...

Мы не знали, будет у нас елка или нет...

— Мама говорит, что не будет...

— А почему она смеется, — взволнованно говорю я сестре. — Отвернулась и засмеялась...

— Она всегда смеется...

— А почему дверь в их комнату закрыта? И елкой пахнет!..

— Мама сказала, что там был угар... И комнату проветривают... Холодно там.

Рассказ про угар похож на правду и начинаешь ему верить. Все-таки волнение не покидает нас. И мы таинственно советуемся:

— Можно подглядеть в щелочку.

— Нет, нянечка говорила, что нехорошо подглядывать.

Но искушение бывало так велико, что мы украдкой подглядывали в щелочку... И видели что-то прекрасное, сверкающее, зеленое... Похожее на елку... Бывало, в своем уголке мы уже переиграем в «христославов», устроим из какого-нибудь цветка куклам елку. Но когда придут бабушка и дедушка с тетями и принесут в руках пакеты, то надежда снова наполнит наши сердца... Вскоре тетя Манюша займет нас рассказом... Заслушаешься и забудешь на время об елке... Вдруг мама запоет что-нибудь веселое... И нас торжественно введут в закрытую комнату. Дверь распахнулась — и там сияет огнями елка. Не знаю, хорош ли был старинный прием внезапно радовать детей елкой. Восторг бывал так силен, что дух захватывало от радости. Стоишь долго, рот разиня, и слова не можешь сказать. Глаза сверкают, щеки разгорятся и не знаешь, на что смотреть. А мама с папой схватят за руки и начнут кружиться вокруг елки с песнями.

Елка наша бывала скромная, маленькая, но убранная красиво, с любовью. Под елкой лежат подарки. Каждый чем-нибудь порадует другого. Тетеньки вышили нам передники. Бабушка сшила по мячику из тряпок. Папа с дедушкой сделали скамейки; мама нарисовала картинки. Няня одела наших кукол. Мы тоже всем сделали подарки: кому стихи, кому закладку, кому связали какие-то нарукавнички. Все было сделано по силам и с помощью няни. Взрослые, особенно мама и тетеньки, с нами пели и плясали кругом елки. Было весело. Но, к сожалению, в раннем детстве на наших елках и праздниках никогда не бывало детей; у нас совсем не было маленьких друзей... Помню, как-то раз няня привела детей прачки и посадила под елку. Сначала мы думали, что это огромные куклы... Но когда рассмотрели, то не было предела восторгу и радости. Мы не знали, как и чем занять, повеселить и одарить наших друзей... Ребенок все же рвется к обществу своих сверстников, к детским интересам и играм с товарищами. И кажется, та наша елка, когда у нас были в гостях дети прачки, была самая веселая и памятная.

Совсем другие елки бывали у дедушки... На них бывало слишком много детей. «Папенька для своих мальчишек старается, а вовсе не о внучках думает», — недовольным голосом говорила тетя Саша. Но и внучки бывали в неопisanном восторге от дедушкиной елки. В маленькой квартирке серого домика скрыть само деревцо бывало невозможно... И мы его видели заранее — прелестное и разукрашенное затейливыми цепочками, фонариками, звездами и бонбоньерками. Все это дедушка клеил сам, и ему помогали папа и мама...

Но, кроме елки, на празднике нас и ребят «босоногой команды», которых в кабинете дедушки набиралось человек двенадцать—пятнадцать, всегда ожидал какой-нибудь сюрприз, который нас радовал и увлекал не менее елки. Наш затейник дедушка делал удивительные вещи: ведь он был мастер на все руки. «Что-то покажет нам дедушка? Что он еще придумал?!» -волновались мы с Лидой. Нас и других гостей отправляли в кухню, а в кабинете слышался шепот нетерпеливых голосов. Дедушка шел в залу и там сначала звонил в какие-то звонки, затем в свистульку, кричал петухом. После садился за свое фортепиано и сам играл старинный трескучий марш. Он только его и знал. Под этот марш мы выходили из кухни, а мальчишки — из кабинета. Их обыкновенно выводила

мама или наш отец. Мы все под дедушкин марш обходили елку и садились на приготовленные скамейки. Сразу же начиналось представление. Каждый год оно бывало различное: однажды дедушка устроил кукольный театр, и все его бумажные актеры говорили на разные голоса, кланялись, пели, танцевали, как настоящие. В другой раз он показывал фокусы. При этом у него на голове была надета остроконечная шапка и черная мантия с золотыми звездами. Наивные зрители были поражены, как это у дедушки изо рта выходит целый десяток яблок, из носа падают монеты, исчезает в руках платок. Мы все считали его великим магом и чародеем.

Но лучше всего дедушка устраивал туманные картины. При помощи нашего отца он сам сделал великолепный волшебный фонарь, сам нарисовал на стеклах массу картин: это были вертящиеся звездочки, прыгающие друг через друга чертенята, вырастающий у старика нос необыкновенных размеров... При этом все показываемые картины старик пересыпал рассказами и прибаутками, шутками; показывая на экране какую-то тощенькую девицу, он говорил: «Вот вам девица Софья, три года на печи сохла, встала, поклонилась, да и переломилась. Хотел ее спаять, не будет стоять; хотел сколотить — не будет ходить... Я взял ее иголкой сшил и легонько пустил».

Все, конечно, покатывались от смеха, особенно мальчишки.

После представления шло веселье вокруг зажженной елки. Дедушка играл свой марш, и ребята ходили и даже плясали... Помню, что всех ребят, как и у нас, поили горячим сбитнем и чем-то угощали... Под конец бывал такой номер, против которого всегда восставали бабушка и тетки. И нам в нем строго было запрещено участвовать. Но нас он занимал и привлекал, и мы завидовали, что не можем принять участия. Елку тушили; дедушка валил ее на пол и кричал: «Разбирай, ребята!» Тут уже начиналась свалка, крики и шум. Ребята бросались на елку и очищали ее до последнего пряника... Затем со смехом выволакивали на двор и там обдирали даже ветки...

Дедушка бывал очень весел и доволен за свою босоногую команду. Он сам превращался в ребенка: пел, шутил, возился, играл свой марш... Каким светлым лучом бывал этот праздник в сереньком домике для ребят горькой бедноты, которые попадали на эту елку «советника». Она им снилась целый год и блестела еще ярче, чем та рождественская звезда, которую клеил им дедушка и с которой они славили Христа.

Фёдор Достоевский **Божий Дар**

Крошку-Ангела в сочельник

Бог на землю посылал:

«Как пойдешь ты через ельник,—

Он с улыбкою сказал, —

Елку срубешь, и малютке

Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».
И смутился Ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», – Бог ответил.
И небесный гость пошел.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вел.
Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждет...
Вскинув елочку на плечи,
Ангел с радостью идет...
Загляните в окна сами, –
Там большое торжество!
Елки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.
И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Елку Божью подарить.
И прекрасных и послушных
Много видел он детей. –
Все при виде Божьей елки,
Всё забыв, тянулись к ней.
Кто кричит: «Я елки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»
«Нет, я елочки достойна
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.
Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел... «Боже мой!
Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»
И на улице встречает
Ангел крошку, – он стоит,

Елку Божью озирает, –
И восторгом взор горит.
«Елка! Елочка! – захопал
Он в ладоши. – Жаль, что я
Этой елки не достоин
И она не для меня...
Но неси ее сестренке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, –
Стоит елочки она!
Пусть не плачется напрасно!»
Мальчик Ангелу шепнул.
И с улыбкой Ангел ясный
Елку крошке протянул.
И тогда каким-то чудом
С неба звезды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветви елочки впились.
Елка искрится и блещет, –
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет
Изумленный мальчуган...
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слез,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принёс.